

Правовые аспекты модернизации в России

В «ОНС» нередко публикуются статьи о процессах, происходящих сегодня в России. Но, на мой взгляд, авторы журнала не уделяют достаточного внимания той стороне традиционного российского менталитета, который непосредственно связан с правовой реформой.

Сейчас в ряде журналов разгорелась дискуссия, посвященная проблемам модернизации, т. е. процесса «непрерывного, стихийного совершенствования технологической и технической основы цивилизации и подстройки к ней общественных организационных структур». Но и здесь правовые аспекты модернизации не были в достаточной степени раскрыты.

За свою долгую историю Россия не раз переживала периоды бурных преобразований, которые с большей или меньшей степенью точности можно назвать периодами модернизации. Модернизация составляла основное содержание и была движущей силой российской истории на протяжении почти четырехсот лет. Некоторые ученые выделяют три таких периода: Санкт-Петербургский, коммунистический¹ и посткоммунистический, начало которому положила перестройка, причем каждый из них, в свою очередь, можно разделить на более дробные составляющие.

Во всех работах, посвященных российской модернизации и модернизации вообще, основное внимание уделяется экономическим, техническим, технологическим и социальным ее аспектам. В этих работах мало затрагиваются культурные основы модернизации и еще менее — ее правовые аспекты.

Приведенное выше определение модернизации грешит «базисно-надстроечным» подходом к проблеме, поскольку модернизация начинается с идеи-осознания кризиса, в котором находится общество, и с поисков путей его разрешения, в основном в духовной сфере, в области культуры. «Попытки представить дело так, будто модернизация начинается с преобразования техники и технологии производства, с перемен в экономических отношениях, а затем уже охватывает социальную сферу, политику, право, культуру, идеологию, мягко говоря, не соответствуют действительности».

Право является значительной частью культуры любого общества, однако оно в наименьшей степени подвержено изменениям. Право по сравнению с другими областями человеческой культуры — самое консервативное образование. Эта особенность права связана прежде всего с затрудненным, формализованным порядком его изменения, да и, пожалуй, с самим наличием такого порядка (который отсутствует в иных областях культуры), с наличием определенного органа, правомочного вносить изменения. Тем не менее особенности права не зависят от одобрения или неодобрения его иными членами общества, которые, казалось бы, не имеют никакой возможности повлиять на принятие решений законодательными органами. Такое одобрение не обязательно осознается членами общества, оно может существовать и на уровне подсознания, тем не менее если одобрение не получено, правовые новации не прививаются в обществе — они либо отторгаются (мертвые нормы), либо извращаются, приспособляются к реальной обстановке.

Успех модернизации в конечном итоге зависит от правовой культуры общества, от принятия или непринятия правовых предписаний обществом, от совместимости или несовместимости их с общественным сознанием.

¹ «Вопросы философии», 1995, № 1, с. 12.

² К р а с и л ь щ и к о в В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века. «Вопросы философии», 1993, № 7, с. 46.

Бел и н ков А. В.— студент Московской государственной юридической академии.

Право решает главную задачу любой модернизации — способствует появлению ее социального субъекта, без которого успешное проведение модернизации представляется невозможным.

Право — органическая часть общества, оно неотделимо от моральных, культурных, духовных его основ. В то же время оно само формирует правовую культуру общества, определяет его нравственную атмосферу. Право выступает как бы в двух ипостасях при проведении модернизации: оно одновременно является одним из самых главных инструментов модернизации и основным ее объектом, поскольку без современного правовых норм невозможно упрочение совершенных в обществе изменений.

Правовая модернизация в России имеет свои особенности, которые основываются на специфическом российском менталитете. В менталитете любой нации откладываются ее исторический опыт, обстоятельства, сопутствовавшие ее формированию и развитию. Это своеобразная память народа о прошлом, определяющая стереотипы поведения той или иной нации.

Именно менталитет — основа правосознания, которое, в свою очередь, можно определить как понятие народа о справедливости, базирующееся на его историческом опыте. Оно формируется не только под влиянием правовой действительности, но и на основе опыта предшествующих поколений, на основе исторической традиции понимания права и его роли в обществе. Немалую роль в становлении правосознания играет и отношение власть предержащих к праву, к тому, какое место уделяется праву в системе рычагов государственного управления.

В этой связи представляют интерес два аспекта российского менталитета — отношение к власти (как к основному субъекту модернизации и главному источнику права) и к самому праву.

Исторически сложилось так, что большинство задач, стоявших перед властью в России, решалось с помощью сильной и ничем не ограниченной власти. Как правило, индивидуум жертвовал своими личными правами во имя существования Российского государства. На протяжении веков все права были у верховной власти, а подданные имели только обязанности. Такое положение привело к тому, что главным желанием россиянина относительно власти было, чтобы правительство управляло для него, а не против него.

Например, в книге М. Забелина приводится целая серия заговоров, к которым прибегали в качестве защиты «на подходе пред царские очи», «перед начальством». Эти заговоры наглядно демонстрируют, что власть для русского человека если и не отождествлялась с дьявольской силой, то все же была силой чуждой, с которой опасно не только вступать в спор, но и вообще иметь дело.

Формально не ограниченная, часто меняющаяся власть, наличие большинства ее неподконтрольных представителей приводили народ к мысли о том, что право есть нечто внешнее, ненужное, легко изменяющееся в угоду власти, зависимое от желаний чиновника. Не способствовали образованию положительного отношения к праву и атмосфера перманентных реформ, установившаяся в стране с XVII века, и методы проведения этих реформ. Ведь недаром в России правду предпочитали искать не в суде, а «перед светлыми очами» царя-батюшки. Народ привык, что не право защищает его от власти, а что власть использует право против него, для его подавления и проведения не всегда понятных народу программ. Само право теряет свое значение, поскольку, во-первых, важен лишь вопрос, у кого в данный момент находится реальная власть, и, во-вторых, потому, что реформаторы пытаются привить российской действительности чуждые ей правовые нормы. Право как инструмент реформ становится инородным телом для российского организма.

Вышеизложенное показывает, в каких условиях происходит взаимодействие модернизаторских начинаний с российской ментальностью.

Прежде всего необходимо отметить двойственную природу правовой модернизации: во-первых, как средства проведения реформ, инструмента реформирования права, и с этой точки зрения она имеет свою специфику, соответствующую методам проведения реформ в той или иной стране; во-вторых, как цель преобразования права, и в данном аспекте она имеет свою субъективную и объективную стороны. Субъективная сторона характеризует собственные представления «модернизаторской элиты» о том, как должно выглядеть право после проводимых преобразований, т. е. некую идеальную модель, соответствующую целям и идеям реформаторов (если они есть). Объективная сторона может быть определена как конечный, реальный результат модернизации, характеризующейся, в свою очередь, степенью исполнения программы реформ и тем, насколько прочно они вошли в жизнь общества.

Чтобы раскрыть в свете вышеизложенного специфичность правовой модернизации в России, необ-

³ См. З а б е л и н М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М., 1992, с. 375—379.

ходимо разделить ее на несколько фаз: осознание цели, стоящей перед обществом, консолидация модернизаторски настроенной элиты, период трансформации и интеграции общества на новой основе. В настоящий момент основной проблемой являются осознание цели модернизации, выработка ее стройной концепции. Мало того, что цель явно неясна самим реформаторам, так она еще и представляет из себя вчерашний день Запада, так как в настоящее время Запад переживает период постиндустриализации, постмодернизма. В правовом отношении России предстоит пройти путь Европы от Г. Гроция до И. Канта, создать правовое государство (если это вообще возможно в России), обеспечить праву достойное место в обществе — добиться должного уважения к закону, действовать на его основе и искать в нем свою защиту, реализовать концепцию разделения властей, хотя данная концепция начинает подвергаться критике западными учеными и не только ими (можно сказать, что эта теория уже устарела). Однако «сказать русскому человеку, что задача ближайших поколений в стране — осваивать вчерашний день Запада, значит, бросить такой вызов национальному самолюбию, который равнозначен политическому самоубийству»⁵.

Отсутствие единой концепции реформ и естественное нежелание политиков совершать такое самоубийство приводят к возникновению целого ряда деформаций как в способах проведения реформ, так и в их результатах. Кроме того, возникновению деформаций способствует уверенность реформаторов в том, что западные модели, будь то технология, право, или способ построения политической системы, являющиеся культурно нейтральными, могут заимствоваться готовыми и переноситься на любую почву. Однако они забывают, что такой почвой является культура (в том числе и правовая культура), выступающая в качестве своего рода инстанции, которая узаконивает, легитимизирует те или иные инновации. И вместе с тем — как «определенная традиция, способная тормозить определенные новации, если они не соответствуют ее архетипам»⁶. Правовая идея, родившаяся на основе иной правовой культуры, воплощенная в свою материальную форму (закон) людьми, воспитанными в ином обществе, на основе иных традиции, зачастую противоположных традициям страны, где эта идея возникла, приводит к рождению неработающих законов.

Объективно же попытки заимствовать отдельные правовые институты с Запада приводят к тому, что западные идеи на чуждой им почве, даже если они приживаются, начинают «играть в социально-культурном механизме иную, подчас даже противоположную роль, чем в западных обществах»⁷.

В практическом плане это приводит к появлению противоречий в законодательных актах, а следовательно, и к разному в правоприменительной деятельности. Возникает параллелизм, двойственность законодательного регулирования — заимствуются западные правовые институты и при этом как-то всеми забывается, что еще не отменены аналогичные отечественные образцы, ничуть не худшие, чем их европейские «двойники».

На модернизацию влияют и чисто политические причины, в частности ориентация внешней политики государства и личные симпатии реформаторов. Если Петр Великий в своих законодательных опытах ориентировался на страны континентальной Европы, то сейчас в новеллах российского законодательства преобладают черты англо-саксонской правовой системы.

Нельзя не упомянуть о такой давней российской болезни, как тяга к произволу. Эта тенденция проявляется двояко. Во-первых, формирование законодательных органов России «первого созыва» (Верховный Совет) по старым, еще советским, принципам привело к тому, что они не смогли решать основные задачи модернизации из-за громоздкости и митингового характера работы. Возникшая необходимость в замене Верховного Совета на профессиональный парламент была реализована по старинному российскому сценарию — Верховный Совет попросту разогнали. Однако вновь созданные законодательные органы также оказались неэффективны — работа по обновлению законодательства началась в полном объеме только с 1995 года.

Во-вторых, необходимость срочного урегулирования возникающих общественных отношений подталкивает исполнительную власть к изданию подзаконных актов, которыми пытаются заменить законы. Естественно, путаница и неразбериха в правовом массиве не уменьшаются. Кроме того, такое регулирование носит казуальный, точечный характер, усилия концентрируются на одном направлении, которое кажется модернизаторам главным. В результате на остальные, «неглавные» направления уже не хватает ни сил, ни времени. Это приводит к нестыковке изменений в различных отраслях законодательства, к нарушению основного принципа модернизации — комплексности.

⁴ См. В л а с к С.Е. The dynamics of Modernization. New York, 1966.

⁵ «Вопросы философии», 1993, № 7, с. 31.

⁶ А х и з е р А. С. Россия как большое общество. «Вопросы философии», 1993, № 1, с. 15.

⁷ «Вопросы философии», 1993, № 7, с. 24.

Не лучше обстоит дело и с уважением к закону — и не в последней степени из-за его неполноты и отсталости от требований сегодняшнего дня. Основным условием, без которого уважение к закону невозможно, является принуждение участников правоотношения к выполнению его требований, для чего, в свою очередь, необходима быстрая и эффективная процедура его исполнения.

С учетом всего вышесказанного необходимо выделить следующие принципы проведения правовой модернизации.

1. *Преемственность.* Это, пожалуй, самое трудное для российских реформаторов — попытаться не отвергать все наработанное предыдущими поколениями, стараться усвоить все полезное, что было разработано в прошлом, и при этом избежать ошибок предшественников.

2. *Комплексность* правовой реформы, которая предполагает как наличие концепции правовой реформы, так и соблюдение порядка ее проведения, определение тех основных отраслей права, изменение которых вызовет необходимость изменения остальных отраслей. Такой подход позволит обеспечить целостность правового регулирования и устранил неувязки и противоречия между этими отраслями. Например, изменение гражданского законодательства, расширение возможностей субъектов рынка приведет к декриминализации одних и к криминализации других деяний, что, в свою очередь, вызовет изменение уголовного законодательства.

3. *Учет изменений*, возникающих в правовой теории в стране и за рубежом. Критическое отслеживание новшеств в теории права позволит учесть чужие ошибки и не оставаться в стороне от некоторых полезных тенденций.

3. *Уменьшение* числа подзаконных нормативных актов. Для этого необходимо до минимума сократить сферу такого регулирования, исключить возможность исполнительных органов с пользой для себя исправлять ошибки и восполнять пробелы, допущенные законодателем, путем правоустанавливающего регулирования.

Для этого необходимо свести к минимуму возможность возникновения ошибок и пробелов, что предполагает не только более тщательную подготовку законопроектов, но и качественное изменение состава законодателей — имеется в виду не только профессионализм депутатов, но и увеличение в законодательном корпусе количества людей с юридическим образованием.

5. *Учет* особенностей российского правосознания (каким бы оно ни было) и российских правовых традиций. Следует помнить, что право в западных странах развивалось на совсем иной правовой почве, нежели российское право.

Помимо вышеназванных принципов необходимо указать на одно из самых существенных условий проведения правовой реформы — создание профессионального законодательного органа.